

ГЛАВА 1

И снова зона, и снова строгий режим. А ведь можно было бы избежать всего этого. Был шанс начать новую жизнь, но не свернул он со скользкой дорожки. Преступная жизнь, преступные деяния — и вот, как итог, тринадцать лет лишения свободы.

В этот срок были включены полгода, проведенные в следственном изоляторе, но не засчитаны пять месяцев, в течение которых он лежал в больнице, в нейрохирургическом отделении после страшного ранения. Пулю из головы вытащили, пробоину в черепе залатали металлической пластиной. Операция прошла на редкость успешно, но Ролана едва не загубили в реанимации: паршивый уход, даже не дефицит, а полное отсутствие дорогих эффективных лекарств. А с его стороны не было желания жить дальше. Он не хотел выкарабкиваться с того света, хотя понимал, что пропуск в райские кущи за свою греховную жизнь он не заслужил. Но, видимо, и в аду его не очень-то ждали, поэтому не умер он от заражения крови, которым его наградила медсестра, — непонятно, то ли по халатности, то ли по злему умыслу. Не так давно эта женщина потеряла сына — в пьяной драке он был забит до смерти матерыми уголовниками. Именно поэтому она так невзлюбила Ролана, судимого в прошлом и подследственного в том больничном настоящем...

После больницы был следственный изолятор. Далее — суд, приговор, этап на дальнюю лесоповальную

зону. Карантинная камера, ржавеющие шконки в три яруса, под грязно-серым потолком яркая до боли в глазах лампочка дежурного освещения. Поздно уже, ночь, но спят не все. Кто-то переговаривается меж собой, кто-то лежит молча и думает о том, что ждет его впереди. Строгий режим — не особый, рецидивисты здесь есть, но и новичков более чем достаточно. Новичкам сейчас сложнее всего. О жизни в зоне они знают в теории, а совсем скоро, возможно уже завтра, для них начнется каторжная практика. У Ролана это вторая ходка, но и у него на душе беспокойно, вопрос наслаивается на вопрос — в голове суматоха. Как примут его в камере, как жить ему дальше, к кому примкнуть, к блатным или мужикам?

В прошлой своей жизни он был отрицалой, состоял в пристяжи смотрящего зоной, имел определенный авторитет. И после, уже на свободе, примкнул к законному вору, исполнял его волю — за что, в сущности, и пострадал. Выжил он чудом, но в чудеса больше не верит. И в сказки о воровском благе тоже. Нет в блатной жизни никакой романтики, есть только кровь и горькие слезы. О воровской короне даже мечтать неохота, не говоря уже о том, чтобы рваться к ней — по трупам, как по шпалам. Но в то же время жизнь в неволе у него долгая, статья тяжкая — на условно-досрочное рассчитывать не приходится, а блатные на то и блатные, что блат у них должен быть в зоне, привилегии всякие, опять же грев из общака. Можно было бы примкнуть к черноходам из одних только корыстных интересов. Можно было бы, если бы не закавыка. Ролан еще на этапе узнал, что срок ему придется мотать на «красной» зоне, где бал правят менты и активисты-красноповязочники. В смотрящих здесь законный вор, которого до сих пор не развенчали, хотя все знают, что ссучился он еще два-три года назад. И в пристяжи у него такие же суки. Правильные воры

держатся здесь не долго — кого не сломишь уговорами и штрафным изолятором, того опускают по беспределу. Здешний хозяин ни с кем, говорят, не церемонится — и не счесть, сколько сейчас в петушинных кутках бывших авторитетов. Так что против течения лучше не плыть, тем более если нет такого желания. С головой у Ролана еще не все в порядке, в непогоду иной раз так болеть начинает, что хоть в петлю лезь. Но сила в руках есть, мощное тело, крепкие ноги — одним словом, на лесоповале он не пропадет. Будет работать, будет валить лес, глядишь, худо-бедно до конца срока доживет. К пятидесяти годам на свободу выйдет. А вот что дальше?

Ролан тяжело вздохнул, повернулся на бок, лицом к стенке, закрыл глаза. Но уснуть он смог только под утро.

А в шесть утра прозвучала команда «Подъем». И кто бы ты ни был, авторитетный блатной или последний из прокаженных, будь добр, оторви свое бренное тело от шконки и становись в очередь к умывальнику. Откровенных активистов среди новичков еще нет, никто вроде бы не торопится надеть на рукав красную повязку, но все знают, что кум уже провел работу с вновь прибывшими зэками, что есть у него в камере свои люди, которые все видят, все замечают и запоминают, чтобы затем донести куда следует.

С Роланом тоже работали. Позавчера с ним разговаривал начальник оперчасти, сорокалетний майор с желтушными глазами. То с одного боку зайдет, то с другого, и так и эдак, дескать, друг другу помогать надо. Пришлось объяснить ему, что мент ему другом никогда не будет. Стучать Ролан отказался наотрез, в актив записываться тоже, но не грубил, говорил спокойно, обстоятельно — чтобы сразу с этапа не залететь в штрафной изолятор. В общем, всем своим видом дал понять начальнику, что вышел он из того возраста, чтобы герой-

ствовать во славу собственного авторитета. Не нужны ему лишние проблемы, и без того по уши в дерьме...

Подъем, утренний туалет. И еще осмотр. Роба должна быть чистой, подворотничок свежим, сапоги начищенными если не до блеска, то близко к тому. Ролан, что называется, соответствовал. Но ему было все равно, что подумает о нем начальник. Главное, чтобы зэковская братия видела в нем человека, привыкшего следить за своим внешним видом. Чистота — залог не только здоровья, но и уважения. Правильный арестант никогда не опустится до уровня грязного и презренного чушка.

Завтрак Ролана не порадовал. Каша из непонятных злаков с перемолотыми мослами и хрящами, плохо пропеченный хлеб с какой-то соломой, едва подкрашенный теплый чай. Но делать нечего: собственный хабар пуст, как амбар в голодную неурожайную пору, а о передачах с воли можно только мечтать. Некому слать ему грев с воли, разве что мать посылочку раз в месяц соберет.

После обеда из камеры выдернули несколько человек, в том числе и Ролана. Толстощекий зэк из актива с красной повязкой на рукаве выстроил их в коридоре карантинного корпуса. Сытая вывеска, презрительный взгляд, наглая ухмылка от уха до уха — как будто он соль земли, а все остальные прах могильный под его ногами. Был бы Ролан помоложе, он бы сказал этому козлу пару ласковых, а может, и промеж глаз въехал. Но нет в нем прежней прыти, да и не нужны ему конфликты. Поэтому он молча отправился в класс профотбора, где новичков ждала целая комиссия с начальником производства во главе.

Ролан сразу понял, что комиссия была создана для профформы. Никто не заглядывал в его личное дело, никто не спрашивал о полученном на гражданке образовании. Да и ни к чему это было, ведь работа на зоне одна — валить да грузить в лесовозы сосны и ели. И неважно,

умеешь ли ты работать бензопилой — все равно и научат, и заставят. Как и ожидалось, его определили на лесоповал и зачислили в третий отряд, как и всех остальных, кто вместе с ним прибыл на профотбор.

На общем режиме легче, там заключенные живут в общежитиях, по своему устройству напоминающих армейские казармы. Строгий режим — это, в сущности, та же тюрьма, где эков содержат в камерах, откуда и отправляют на работы. Но хата, в которую попал Ролан, заметно отличалась от тех, к каким он привык в изоляторах и на пересылках. Большое и довольно-таки светлое помещение; настоящие, с панцирными сетками, койки расставлены плотно одна к другой, зато всего в один ярус. Телевизор под потолком и над самой дверью. Табуретки — с торца каждой шконки, что для тюрьмы большая редкость; затертая до дыр ковровая дорожка от железной двери до центрального окна, забранного одной-единственной решеткой. Выкрашенный свежей краской бетонный пол, довольно-таки свежая побелка, на стенах ни единой скабресной наклейки из мужского журнала или просто хулиганской надписи. Отхожее место вычищено, медный краник над «тюльпаном» надраен до идеального блеска. Ни пылинки, ни хотя бы легкого запашка. Чувствовалось, что за чистотой и порядком здесь следят с пристрастием. Самое удивительное, что людей в камере не было, если, конечно, не считать смазливого смугловатого брюнета, который был занят тем, что ползал на карачках под кроватью с мокрой тряпкой в руках. Глядя на него, Ролан подумал, что вряд ли в этой камере его считают за человека. В лучшем случае он просто шнырь, а в худшем — изгой неприкасаемый.

— О! Нашего полку прибыло! — то ли для приличия, то ли действительно обрадовался брюнет.

Ролан едва удержался, чтобы не послать его на три бу-

квы. Идиотская какая-то ситуация — новичков в камере больше, чем старожилы. Трое против одного, да и тот, судя по всему, петух позорный. Правильные черты лица, высокий рост, в меру широкие плечи. На воле таких красавчиков обожают женщины, а в тюрьме — особо озабоченные мужланы. Этого, возможно, не только обожают; очень даже может быть, что им еще и пользуются.

— Откуда будете? — спросил парень.

Ответом ему послужила тишина. Ролан был достаточно опытным арестантом для того, чтобы разговаривать с подозрительным красавчиком. И прибывшие с ним мужики казались тертыми калачами.

— А-а, ясно... — Брюнет озадаченно наморщил лоб и провел пальцами по гладкой после бритья щеке. — Зря вы так, мужики. Я не такой, я нормальный. А то, что шурушу в камере, так это по очереди. Сегодня я дневальный, а завтра ты...

«Ты» было обращено к Ролану. Парень смотрел на него беззлобно, но пристально и вглубь.

— А ты не мужик, по ходу, да. Ты из блатных.

Ролан удивленно повел бровью. Он был в робе, руки держал за спиной, чтобы у красавчика и в мыслях не было протянуть ему свою пятерню для знакомства. И надо было обладать определенным опытом и чутьем, чтобы определить в нем человека, некогда исповедовавшего воровской образ жизни.

— Еще что скажешь? — угрюмо изрек он.

— А то, что я правильный арестант и коситься на меня не надо.

— А если мысли всякие в голову лезут? — небрежно хмыкнул Ролан.

— Сами по себе? — с насмешливым прищуром спросил парень.

— Сами по себе.

— Значит, вакуума в голове много, если лезут.

— Ты за базаром следи, — нахохлился Ролан.

— А ты глупости из головы выбрось, тогда как люди говорить будем.

— О чем нам с тобой говорить? Или ты смотрящий на этой хате?

— Пока нет, а там поглядим. Ссмотрящий сейчас на промке, а вам, братва, располагаться надо. У нас тут как раз шконки освободились...

— Вижу.

Ролан бросил скатку и хабар на свободную шконку поближе к окну. Мужики заняли еще две из тех, что были подалеже от двери. У брюнета никто ничего не спрашивал. Он хоть и назвался правильным арестантом, но его мнение никого не волновало.

Ролан молча расстелил матрас, заправил постель. И лег поверх одеяла.

— У нас так не принято, — с осуждением глянул на него брюнет.

Ролан молча отмахнулся от него как от назойливой мухи.

— Не, я серьезно. У нас распорядок — на койках только после отбоя.

— А ты что, пойдешь куму застучишь? — ухмыльнулся Ролан.

— Я бы на твоём месте не борзел. У нас тут очень строго. Чуть что не так, в кондей, а там на завтрак — плесень со стен. Тебе туда лучше не попадать...

— А тебе?

— Да я был там пару раз, и ничего. А у тебя со здоровьем проблемы, да? С головой что-то, да?

Ролан поморщился, как будто под нос ватку с нашатырем сунули. Череп с правой стороны у него деформирован, и короткая стрижка никак не способствовала тому, чтобы скрыть этот недостаток.

— Не твоё дело.

— Ты извини, если на большую мозоль наступил...

— Соскочил бы ты с этой мозоли, а? Не в падлу ска-
зать, и без тебя тошно.

— Зачем так грубо? — не унимался парень. — Я к тебе по-доброму, а ты рычишь. Нельзя так... И со шконки встань. На табурет сядь. Надо так. Я за порядком здесь слежу, мне отвечать...

— Да заткнешься ты наконец!

В душе Ролан понимал, что нельзя ему идти на кон-
фликт с дневальным. Но измочаленная долгими мытар-
ствами подкорка вибрировала от раздражения так, что
слетали с резьбы болты. Не должен он был давать волю
своим эмоциям, но сил сдержаться не было.

— Ухожу, ухожу. Только со шконки встань.

Брюнет и сам должен был понимать, что Ролан дошел
до крайней точки кипения. Ему бы отойти в сторону,
чтобы не доводить его до греха. Но нет, продолжает
злить.

— Встаю!

Ролан соскочил с койки только для того, чтобы про-
учить надоедливую дневальную. Дать в лоб, — гля-
дишь, и угомонится.

Но вышло так, что брюнет сам наказал его. Ролан и
сам не понял, как оказался на шконке, скрюченный от
боли после молниеносного удара в солнечное сплете-
ние. Никак не думал он, что его противник способен на
столь мудреный финт.

Он должен был подняться, чтобы возобновить со-
рванную атаку, но боль проникла глубоко в грудную
клетку, разлилась по всему телу, парализуя волю. Навер-
няка это был какой-то особенный удар, на который спо-
собен только мастер.

— Ты полежи немного, успокойся, — насмешливо
сказал брюнет.

Сам он был совершенно спокоен. И его ничуть не

смушало присутствие в камере двух мужиков, с которыми Ролан заехал в камеру. Он совершенно не боялся их, хотя бы потому, что знал — на помощь своему товарищу они не придут. Что в тюрьме, что в зоне — везде каждый за себя...

— А потом вставай, на табурете посидишь.

Ролан слышал, как заскрипели кроватные пружины. Это мужики перебрались со шконок на табуретки. Им вовсе не улыбалась постигшая его самого участь.

— Ты меня понял? — спросил парень.

Ответить на этот в общем-то риторический вопрос значило признать свою слабость. Поэтому Ролан промолчал.

— Не понял. Но со шконки ты все равно встанешь...

Брюнет снова взялся за тряпку и не остановился до тех пор, пока не домыл весь пол. Он делал это с таким чувством, будто не было на свете большей радости, чем наводить марафет в тюремной камере. И даже мужиков не пытался припахать, хотя мог.

Боль отступила, но Ролан так и остался лежать на койке. Поднялся, когда брюнет снова подступил к нему, но снова только для того, чтобы атаковать его. Не той он породы человек, чтобы сдаваться без боя. Встал в стойку. Но парень лишь усмехнулся.

— Знаю, ты в рукопашке кое-что сечешь. Но против моего лучше не пробуй. Я карате с двух лет занимаюсь, у меня реально третий дан...

Третий дан в карате — показатель более чем серьезный. Ролан действительно был дока в рукопашном бою, но против мастера такого уровня ему не потянуть.

— Да хоть сто шестой, — зло, сквозь зубы процедил он.

— Нет сто шестого, есть только девятый... Не будь дураком, — понизив голос, сказал парень.

И многозначительно повел головой в сторону при-

тихших мужиков. Дескать, не надо срамиться перед ними, лучше остановись, пока не поздно. А взгляд у него спокойный, охлаждающий. Но, увы, это не остудило пыл Ролана. И он все-таки решился...

В этот раз он приходил в себя не меньше часа. Но лежал не на шконке, а на полу, не в силах подняться. Красавчик брюнет провел против него все тот же удар, все в ту же болевую точку, но с более серьезными для Ролана последствиями. Теперь у него не оставалось никаких сомнений в том, что он имел дело с настоящим мастером рукопашного боя. Больше желания проверить его на прочность не возникало.

А брюнет и не стремился добить его. Присел рядом с ним на табурет и давай увещевать.

— Да ты не переживай, брат, здесь все знают, что против меня приема нет. Мне даже кличку такую хотели дать — Лом. Типа против лома нет приема. Но прижилась другая — Красавчик. А так меня Дима зовут, фамилия совсем безобидная — Бабочкин... И я сам, как бабочка, порхаю, знаешь ли... — задумавшись, начал было Красавчик. Но, спохватившись, изменил тему: — Я сам из Гачкина, городок такой под Черноземском есть. Маленький такой, ты не знаешь...

— Знаю, — через силу сказал Ролан. — Сам из Черноземска...

Он уже не чувствовал неприязни к этому парню. Зато чувствовал свою вину — не должен он был лезть на рожон. По заслугам схлопотал. Но все равно до боли обидно.

— Да ну! — обрадовался Красавчик. — Так мы что, земляки?

— Ну да...

Ролан и сам был рад встретить земляка в далеком пермском краю. Этап, с которым он шел из Черноземского СИЗО, давно уже рассосался по тюрьмам и пересылкам, до этой зоны дошли единицы, и тех определили

в другие отряды. Жаль, что встреча с земляком началась не с той ноты. Но чувствовалось, что Дима Бабочкин — парень компанейский и незлопамятный, может, и сойдутся они, что называется, вась-вась.

— А зовут тебя как?

— Братва Тихоном величает...

— А по имени?

— Ролан.

— Ты это, брат, поднимайся. Совсем, смотрю, тебе хреново...

— Сам виноват, — выдал из себя Ролан.

— Руку давай.

Красавчик обладал завидной силой и, казалось, играючи помог ему перебраться с пола на шконку. Но без комментария не обошлось:

— У нас хоть и не санчасть, но можешь на койке полежать. Пока не оклемаешься.

— А потом на табурет? — усмехнулся Ролан.

— Ну да. У нас так положено.

— Везде так положено. Но на это положено еще сверху кладут...

— У нас не так, у нас порядок.

— И кто масть в хате у вас держит? Красные?

— Почему красные? Нормальные люди. Двое из воровских, двое сами по себе...

— И где эти двое из воровских?

— Говорю же, на работах. Лес валят. Они хоть и в авторитете, а хозяин им вольты не дает. Отрицалы у нас или в штрафном, или в сифилиятнике...

— Где?

— Ну, корпус, где спидоносцы и тубики подышают. Там такой беспредел — жуть. Здорового человека вмиг больным сделают. Кровь больную насильно вколют, так-то вот... Лучше лес валить, чем туда... Ты это, лучше не быкуй. Завтра на работы погонят, так ты не шарахайся.

Встанешь в штыки, самого на штыки поставят, отвечаю...

— Значит, красные здесь у вас все, — мрачно усмехнулся Ролан.

— Да как хочешь, так и называй. Но мы здесь по понятиям живем. Все как у людей, никакого беспредела. И блатные есть, и мужики, и черти. А петушни здесь нет. С этим тут строго. Нужно очень-очень сильно накосорезить, чтобы опустили. Или кум на кого пальцем покажет. Таких сразу в кукарешник, там уже свой беспредел. А у нас порядок, отвечаю...

— Сучий порядок.

— Какой-никакой, а строгий. И ты, мой тебе совет, не парься на этот счет. У тебя какой срок?

— Двенадцать с полушкой. И статья мокрая.

— М-да. Большой срок. И ты уже не молодой. Считай, вся жизнь твоя здесь. А начнешь права качать — или в сифилиятнике окажешься, или в кукарешнике, — а оно тебе надо?

Ролан ничего не сказал. Но мысленно согласился с Красавчиком. Нет в этой зоне воровского ветра, чтобы черные блатные паруса надувать. Зато подводных камней хоть отбавляй. Выйдешь из общего фарватера — и сядешь на риф. И всю жизнь тогда в петушином помете гнить...

— Ты сам-то по какой статье чалишься?

— Да ни за что, считай, влетел. Дура одна кражу на меня повесила... История тут такая не очень хорошая. С одной жил, к другой ходил. Так одна отомстить решила, заявление написала, что я часики у нее с бриллиантами снес. Я бы отмазался, да опера борзые попались. Уголовно-процессуальный кодекс в голову вбивать стали, в самом прямом, скажу тебе, смысле. Книга тяжелая, а они ею со всего маху по голове. Шишек нет, а больно жуть. И башню сносит. У меня снесло. Наручники на

мне, руками не могу, пришлось головой. Одному оперу нос очень сильно смял, сломанный хрящ нерв какой-то зацепил. Он-то выжил, но половина лица парализованной осталась. Вот мне и впаяли восемь годков. Была бы первая ходка — на общий бы пошел, а так на строгач. Но ничего, мне уже половина вышла, хозяин обещал на поселение отпустить, а может, и на условно-досрочное. Если все срастется, то через месяц меня уже здесь не будет...

— И по какому разу ты здесь?

— По второму.

— Тоже кого-то покалечил?

Ролан уже оклемался, но не хотелось подниматься со шконки. Пусть Красавчик думает, что хреново ему.

— Зачем покалечил? На краже меня взяли. Деньги у одной терпилы взял, много денег. Три года, от звонка до звонка. На общем был, так там черные из воров, а красные из бандитов, и еще кавказцев как собак, — короче, такой бардак был, что страшно вспомнить. Я там с блатными был, а здесь — с красными, как ты говоришь. Там по звонку вышел, а здесь, может, с половины соскочу...

— Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше, — не без ехидства заметил Ролан.

— Ну да. Законы природы еще никто не отменял.

— Закон природы — волчий закон.

— А волки ходят стаями. Лично я в стае. И плевать мне, черные это волки или красные.

— Лучше серым волком быть, чем красным.

— А это каждый сам для себя выбирает. Тем более что серый — естественный для волка раскрас. И среди мужиков такие волки попадаются...

Красавчик хотел что-то сказать, но вдруг застыл с полуоткрытым ртом. И высоко поднятый палец правой руки замер в воздухе.

— Наших с работ ведут.

Ролан и сам уже слышал усиливающийся топот ног. К камере приближалась целая толпа.

Сначала послышались голоса, затем со скрипом открылась тяжелая дверь. Здесь не было специального блокиратора, ограничивающего движение двери, поэтому она распахнулась настежь. Но толпа не сразу хлынула в камеру. Сначала через порог с важным видом переступил низкорослый, но очень объемный человек лет сорока. Конусообразная голова — узкий верх и широкий низ. Вдобавок еще и щеки бульдожьи — казалось, они лежат на плечах, закрывая и без того едва заметную шею. Глаза маленькие и холодные до озноба в душе. Он молча, можно сказать, равнодушно, глянул на поднявшихся ему навстречу мужиков. Окатил ледяным взглядом Ролана, который забыл, что нужно подняться с койки.

— Кто такой? Почему лежишь? — грозно спросил он.

Ответить Ролан не успел. Из-за спины смотрящего из темных глубин коридора вынырнул детина с длинной и приплюснутой с боков головой. Угрожающий блеск наголо бритого черепа, смуглое от природы лицо, свирепые, черные как антрациты глаза, злобный оскал кривых желтоватых зубов.

— Вот сука! — взревел он и, не останавливаясь, бросился на Ролана, который медленно, словно бы нехотя поднимался со шконки.

Он мог бы объяснить на словах, кто из них двоих сука, но, судя по всему, в этой ситуации выяснение отношений могло состояться только на кулаках. Детина не оставлял Ролану другого выбора, поэтому неожиданно для себя оказался на полу с вывернутой за спину рукой. Он был гораздо медлительней Красавчика, и его несложно было швырнуть через бедро и взять на прием из боевого самбо. И даже его не хилые габариты не стали для Ролана препятствием.

— Тоха, Тоха, все! — взвыл он, хлопая свободной рукой по бетонному полу.

— Как ты меня назвал? — недоуменно спросил Ролан.

— Ты же Тоха. Из Колосовки...

— Какая, к черту, Колосовка? Тихон я. Из Черноземска.

Он обращался и к амбалу, и к притихшему смотрящему, за спиной которого образовалось целое столпотворение из уставших после работы людей.

— Извини, мужик, обознался! — простонал громила.

— Я тебе не мужик. Тихон я. Гордей из Черноземска меня крестил...

Но, вопреки ожиданиям, имя уважаемого вора не произвело на смотрящего никакого впечатления — ни положительного, ни отрицательного. Но вопрос он все же задал:

— Блатной?

— Да. Гордею отпиши, он подтвердит.

— Отпишем. Кому надо отпишем. Узнаем, кто ты такой. А Зубодера отпусти.

Ролан не стал нагнетать ситуацию и отпустил поверженного противника. На всякий случай отступил на пару шагов, чтобы отразить возможную атаку. Но детина по прозвищу Зубодер не решился взять реванш. Злобно, но подавленно глянул на него и направился на свое место, в угол, который можно было назвать блатным чисто из географического расположения, — у окна, подалеже от двери. А так никаких отличий. Ни плакатов на стене, ни ширм, ни отдельного телевизора. На привилегированное положение обитателей этого угла указывало только то, что, в отличие от других, они сели на шконки, а не на табуретки. Двое на одной койке, двое на другой, одна пара лицом к другой.

Сидят, о чем-то вполголоса переговариваются. Зубодер мрачно и с опаской посматривал на Ролана.

— Да ты не переживай, — сказал Красавчик. — Не ты же накосорезил, а Зубодер. Он первый дернулся, с него спрос будет.

— Какой спрос? Сука суке глаз не выключет, — хмыкнул Ролан.

— Не надо так о людях, — укоризненно глянул на него парень. — Ты же их не знаешь. Холодильник у нас пахан строгий, но справедливый. Из воров...

— Холодильник?

— Ну да, взгляд у него холодный, потому и прозвали так.

— Холодный, — не мог не согласиться Ролан. — Только мне совсем не холодно.

— Жарко тебе. Потому что огонь в душе. А ты успокойся. Посиди, подумай, а я пока с братвой за тебя поговорю.

Красавчик подошел к смотрящему, что-то тихо сказал ему, тот подвинулся, приглашая его занять освободившееся место.

Ролан презрительно усмехнулся. Смотрящий, блаткомитет — все на уровне пионерлагеря: начальник колонии типа директор, а эти пионервожатые. И на работы вместе со всеми ходят, и о привилегиях для себя не заботятся. Хотя бы чифирьку для себя заварили, так нет — нельзя, хозяин заругать может. Тьфу!..

Ролан окинул взглядом всю камеру. Каждый занят своим делом. Несколько человек в очереди к «тюльпану», другие к унитазу. Кто-то пишет письмо, кто-то подшивает подворотничок, кто-то что-то мастерит, а большинство просто обессиленно сидят, свесив руки. Работа на лесоповале не сахар, труд тяжкий, а завтра с утра снова в упряжь...

Вроде бы все сами по себе, но если присмотреться повнимательней, то каждый зэк принадлежит к какой-то группе. Да и не надо было Ролану присматриваться,

чтобы понять это. В любой зоне в любом бараке или камере арестантский люд разбит на группы. Воры с ворами, бандиты с бандитами, мужики с мужиками, даже черти позорные и те кучкуются.

Серая мужицкая масса неоднородна по своему составу. Здесь свое деление, на так называемые семьи: по принципу землячества или по социальному признаку — зажиточные к зажиточным, бедные к бедным. Само собой, существовала градация и по национальностям — кавказцы с кавказцами, азиаты с азиатами. В этой камере кавказцев почти не было, таджиков и узбеков — кот наплакал. Да и вообще спокойно здесь было. Никто ни на кого не наезжал, никакой ругани. Все в своих насущных заботах, но так, чтобы не нарушать установленных норм поведения, — хозяином зоны установленных и ссученными ворами поддерживаемых...

Но, в принципе, какая разница, кто здесь командует парадом, лишь бы порядок был и пайка щедрая. А кормят здесь хоть и невкусно, но вроде бы сытно. Ролан даже жалел, что остался без ужина...

Красавчик отсутствовал недолго. Подошел к Ролану, внушительно посмотрел на седовласого мужика, сидевшего рядом с ним. Тот молча поднялся и направился к умывальнику. Чувствовалось, что с Красавчиком здесь считаются всерьез. Что ж за порядки тут такие, что уважаемый арестант остается в камере один на весь день и пашет как вол, намывая, натирая и начищая? Неужели принцип очередности здесь так же свят, как воровские понятия в правильной хате?.. Хотя, в принципе, лучше в камере весь день убираться, чем валить лес...

— Холодильник тебя к себе зовет, — сказал Красавчик и едва слышно добавил: — Ты только не буксуй, зёма.

Ролан молча кивнул, принимая его в общем-то дружескую установку, и направился к смотрящему. Креп-

кого сложения парень с изрытым оспой лицом поднялся со шконки, нехотя освободил для него место.

— Значит, из воров ты, — так же нехотя изрек и Холодильник.

Взгляд морозный, немигающий. Ролан едва удержался от позыва обнять себя руками, чтобы согреться.

— Ну, можно сказать, что так...

Вором как таковым он никогда не был. Но в тюрьму по первому разу попал как раз за угон автомобиля. Мог сесть за убийство, потому как в тот день и отправил на тот свет сразу несколько братков из «новых», а взяли за машину, которая действительно числилась в угоне, но не по его вине. А машину когда угоняли, хозяина ее по голове сильно ударили. И еще пистолет при задержании у Ролана взяли. В общем, девять годков по совокупности отмерили...

— Гордея, говоришь, знаешь?

— Есть немного. Дела с ним делали. Многих других знаю... Я на разных зонах первый срок мотал, ты туда маляву отправь, тебе ответ будет. Никто ничего плохого про меня не скажет, отвечаю...

— На каких ты зонах был?

— Сначала средняя полоса, затем Сибирь-матушка. Сначала общий режим, затем строгий. Девять лет было, затем довесок в три года получил.

— За побег? — заинтригованно спросил Зубодер.

— Нет, зону разморозили. Была сучьей, как у вас, а стала черной, воровской...

— Кто тебе сказал, что у нас тут сучья зона? — нахмурился смотрящий.

— А разве нет? — удивленно повел бровью Ролан.

— Где ты здесь сук видишь? — вскинулся Зубодер.

— При чем здесь кого я вижу? Порядки у вас такие, что хозяин всем заправляет, а воры ему подыгрывают.

— Хозяин здесь масть держит, это ты правду ска-

зал, — согласился Холодильник. — Потому что Рупор крутой по жизни, сильно себя здесь поставил. А то, что воры ему подыгрывают, так что тут такого? На то нас над мужиками и ставят, чтобы мы пасли их.

— В угоду хозяину?

— Всегда так было. И всегда так будет.

— Не знаю...

В чем-то Холодильник был прав. Блатные всегда над мужиками стояли, по понятиям жить заставляли, смотрели, чтобы те исправно работали, чтобы беспредела не было.

— А что ты вообще знаешь? Кем ты на зоне был? За отрядом смотрел, за хатой, может, за промкой, а? А может, за всей зоной?

— За хатой смотрел, — кивнул Ролан. — А потом у законного в свите...

— В свите, — перебив, передразнил его Холодильник. — В пристяжи ты у него был. Подай-принеси, да?

— Скорее убрать и подчистить, — жестко усмехнулся Ролан. — По-мокрому...

Неискушенный в тюремных раскладах человек мог бы решить, что в пристяжи законного вора он был шнырем-уборщиком. Но смотрящий понял все правильно. Ролан был исполнителем воровских приговоров, а говоря более грубо, наемным убийцей — и не презренной одноразовой «торпедой» из идиотов, проигравших свою жизнь в карты, а матерым «тигром». Его и уважали, и боялись...

— У нас этим не козыряют...

В голосе Холодильника угадывалось осуждение, но не было презрения. Зато чувствовался глубоко скрытый страх. Ведь Ролан мог исполнить и его самого, по собственному приговору.

— У нас тоже. Но ты все понял.

— Это угроза?

— Ни в коем случае.

— Тогда забыли... А то, что за хатой смотрел, не забывай. Будешь нормально себя вести, придет и твое время. Зыркий поднять тебя может, а надо будет, и опустит...

Ролан знал, о ком шла речь. Зыркий был тем самым ссученным, по его мнению, законником, смотревшим за зоной. Он хотел было спросить, так ли это, что главный пахан поднимает и опускает. И добавить ехидно, что все здесь решают менты. Хотел, но промолчал — решил не пытаться судьбу. И так много обидного наговорил...

— А какой в том толк? — усмехнулся он. — Что я с того иметь буду, если на хату меня поставят? Я смотрю, вас тут и на работы гоняют, и благом разжиться не дают. Чифирнуться бы сейчас! Или хозяин не велит?

Холодильник молча отвел глаза в сторону.

— Шмон у нас тут большой был, — словно оправдываясь, сказал Зубодер. — Менты подчистую все смели.

— Ну и кому такая жизнь нужна?

— А что делать, если Рупор совсем озверел?

— Я бы сказал, что делать. Но ты же не маленький, сам знаешь...

— Знаешь... Все мы тут знаем. Да молчим. А рот откроешь, завтра в ШИЗО будешь, а там петушка к тебе посадят. Он тебя ночью в губки поцелует, сам красной девицей станешь... Рупор ничего не боится. Напролом прет, всех, кто на пути, под каток. Безбашенный, в натуре...

— И водички у него много.

— Какой водички? — не понял Зубодер.

— А волшебной. Попьешь такой водички, козленочком станешь. Или сразу козлом рогатым...

— Это ты о чем? — встрепенулся Холодильник.

И так посмотрел на Ролана, что ему стало не по себе.

— Да так, козлов у вас здесь много. Это я про тех, кто с красными повязками.

— Ты у нас красные повязки видишь?

— Нет.

— Тогда чего метлой метешь?.. Может, мы потому и соглашаемся с Рупором, чтобы козлы все под себя не взяли. Дай им только волю, такой беспредел начнется... И вообще...

Холодильник запнулся и как-то обреченно махнул рукой.

— Если ты нас за козлов и сук держишь, то это ты зря, — сказал Зубодер. — А то, что воровского блага у нас нет, тут ты прав. Но, может, что изменится... Или изменит кто...

— Кто?

— Ну, бывает, что один человек может все решить.

— Это ты о чем?

Прежде чем ответить, Зубодер осмотрелся — дескать, не подслушивает ли кто из посторонних.

— В зоне все на Рупоре держится. Не станет Рупора, тогда все по-нашему будет, по-воровскому... А ты сам говорил, что ты можешь...

— Что я могу? — насторожился Ролан.

— Ну, по-мокрому...

— Ничего я не говорил. Ты что-то пугаешь, братишка.

Во-первых, Ролан был далек от мысли возглавить лагерно-освободительное движение за воровскую независимость. Более того, он уже почти смирился с тем, что ему придется жить в сучьей зоне. И даже готов был принять установленные хозяином порядки. А во-вторых, Зубодер мог оказаться не просто сукой, но и подлым провокатором. Может, он нарочно поднял столь скользкую тему, чтобы завтра же доложить куму о том, что в хате завелся возмутитель спокойствия, вызвавшийся убить самого начальника колонии.

— Но ты бы мог сделать Рупора, если так о нашем благе печешься.

— Ну, если ты хочешь его по-мокрому сделать, ты так и скажи. А я уже подумаю, что тебе ответить.

— А сам ты сказать ничего не хочешь?

— Хочу.

Ролан понял, что пора менять тему, пока он не разозлился и не вырвал провокатору кадык.

— За какого такого Тоху ты меня принял?

— А-а! — облегченно вздохнул Зубодер.

Похоже, он и сам был не рад, что завел опасный разговор. Спровоцировать Ролана он не сумел, зато сам мог остаться в дураках. Наверняка стукачей в камере хоть отбавляй, кто-нибудь возьмет да сольет куму ту ересь, которую он плел. Тот же Холодильник может донести. Может, он и считает себя вором, но сучьей пакости в нем хватает...

— Что а?

— На человека одного ты очень похож. Антоха его зовут. Или просто Тоха... Я сам из Беляновки, а он из Колосовки. Беляновка по одну сторону реки, Колосовка по другую. И мост с берега на берег. Так мы на этом мосту стенка на стенку. Сколько зубов я этому козлу вышиб...

— И когда это было?

— Да лет десять назад...

— Быльем уже все поросло. А ты на него до сих пор бросаешься. То есть на меня...

— Ну да, на тебя. А думал-то, что на него... Убил бы суку!

— Чего так?

— Так он же меня, падла, подставил! Типа, видел, как я Корявого замочил. Был там у нас один придурок, как нажретя, так метлой метет, что уши вянут. А рука к ножу так и тянется... Короче, Корявого на перо поставили, а Тоха, гад, сказал, что видел, как я его... Ну не падла, а!

— А как на самом деле было?

— А не важно! — распалился Зубодер. — Факт, что,

если бы эта мразь меня не заложила, я бы сейчас на воле гулял. С его бабой бы и гулял, понял?

— С его бабой?

— Так в том-то весь изюм!.. Я когда после первой ходки домой вернулся, с крелей одной роман закрутил. О свадьбе думал, а с деньгами швах, в город поехал, ну, рыжя пострелять. Лопатник у мужика дернул, а тут менты... Лопатник я сбросил, а все равно срок впаляли. Два года всего, не будь Маринки, решил бы, что легким испугом отделался. Она сказала, что ждать будет. Даже дачки высылала... А когда откинулся, узнал, что Тоха с ней. Замуж она за него вышла... Надо было мне Тоху мочить, а я на Корявом отыгрался... Мамой клянусь, эта гниль ничего не видела, но все равно на меня показала. Это чтобы меня с воли сжить, да. Ну, мне на всю катушку впаляли, пятнадцать лет как с куста. Два года отмотал. Тринадцать осталось... Ничего, я еще выйду, я еще пушу кровь этому барану!.. Не, а ты в натуре на него очень сильно похож. У тебя случайно брата-близнеца нет?

— В Колосовке, что ли? — усмехнулся Ролан. — В Колосовке нет.

— А где есть?

— Нигде нет.

— Ты в этом уверен?

— Как в том, что я здесь, на нарах, а не в Сочах под пальмами...

— А я бы сейчас в Сочи сачканул, — мечтательно закатил глаза Зубодер. — Хорошо на море в мае... Я там, правда, никогда не был. Но когда-то же надо начинать...

— Когда?

— Не скоро. Мне еще много лет мотать. Если, конечно, хозяин срок не сбавит...

— За примерное поведение? — хмыкнул Ролан.

— Знаю, что для вора в падлу такие расклады. Но я не

парюшь. И ты не заморачивайся. Завтра на работы, и никуда ты не денешься...

— Никуда, — подтвердил Холодильник.

Ролан промолчал. Сам понимал, что деваться некуда. Свой ответ он свел к шутке:

— Да я, в общем-то, для того и приехал сюда, чтобы работать. Чисто по комсомольской путевке, типа в стройотряд...

— Хреновая у тебя путевка, — развеселился Зубодер. — Как и у нас у всех здесь. И стройотряд голимый. А выбора нет... Разве что на лыжи встать и домой...

— Чего ж не встал?

— А тебя ждал. Вот приедет, думаю, Тихон, так сразу и начнем когти рвать. В лес, к зеленому прокурору, чтобы он срок нам списал...

— А если серьезно?

— Отсюда не сдернешь. У Рупора все продумано... А ты что, о лыжах думаешь?

— Пока ты не сказал, не думал. И сейчас думать не хочу...

Ролану терять было нечего. Двенадцать с половиной лет — это целая жизнь, дальше — ничем не обеспеченная старость. И лучше на воле от ментов прятаться, чем в лагере гнить. Но мысли о побеге надо было загонять внутрь себя. Во-первых, Зубодер мог оказаться провокатором, а во-вторых, слишком уж это хлопотное дело — готовить и осуществлять побег. Сначала раззнать надо, где, что и как. Затем команду единомышленников собрать. Опять же время — пока подкоп сделаешь, не один год уйдет, и то, если менты эту лавочку не накроют...

— А ты подумай.

— Что-то я не пойму тебя, братан! — вскинулся Ролан. — То ты на работу меня агитируешь, то в бега блатуешь. Где подвох, а? Может, скажешь?

Он в упор смотрел на Зубодера, и тот не выдержал его

взгляд, отвел в сторону глаза. Явно что-то не чисто с ним. Как и с Холодильником. Но хочешь не хочешь, а придется встать в одно стойло с ними. Право сучье племя, выбора у Ролана нет. Или покраснеть, или утонуть — одно из двух...

— Все, братва, разбежаться будем, — решил Холодильник. — Ночь короткая, а завтра снова в путь, отдыхать надо...

Ролан отправился к своей шконке, а смотрящий разлегся на своей. И Зубодер растянулся во весь рост. Все остальные, включая и двух особо приближенных к ним амбалов, коротали вечер за столом на лавках или у коек на табуретах. И кому, спрашивается, нужен был такой порядок? Ролан мысленно возмущался, но в койку лег лишь после команды «отбой». Он был в обиде на самого себя за то, что принимал правила сучьей игры, но против ветра плевать не решался...

ГЛАВА 2

На Венеру неприятно было смотреть. Лицо с перепоя опухшее, под глазами мешки, сама толстая, обрюзгшая. Но Аврора ничему не удивлялась. Старшая сестра уже давно перестала следить за собой. И пьет много, грусть-тоску в горькой топит.

В квартире беспорядок, на столе в гостиной стол с остатками вчерашнего пиршества, на полу пустая пластиковая бутылка с остатками какого-то пойла. Да и судя по сивушному перегару, которым разило от Венеры, вчера здесь по стаканам разливалась дрянная самогонка.

— Что, на денатурат перешла, сестренка? — ехидно усмехнулась Аврора.

Сама употребляла исключительно качественные напитки. Изысканные и дорогие. И в меру, не чаще чем раз в неделю. И за собой следила с особой тщательно-